

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ПОЭМЫ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА «МОСКВА – ПЕТУШКИ»

*Павел Можейко
Руслан Гагуа
Пинск, Беларусь*

Статья посвящена проблемам одиночества отдельного человека в обществе, раскрытым в произведении Венедикта Ерофеева «Москва–Петушки».

Ключевые слова: *экзистенция, одиночество, Ерофеев, «Москва–Петушки», бессмысленность бытия, моральный выбор*

Жизнь — дело одинокое
Р. Бредбери

Свою поэму «Москва–Петушки» Венедикт Ерофеев написал, по его словам, за пять недель: в конце 1969 – начале 1970 года. И вот уже почти столетия эта книга продолжает будоражить тех, кто ее читал, открывая разные горизонты ее осмысления. Поэма стала культовой не только для своего времени, но и остается такой и поныне. Ерофеев, в своем произведении нарочито соединяет высокое и низкое, иронизирует над всеми идеалами и ценностями, отсылая читающего к Библии и античной мифологии. Его язык – это смешение советской лексики, жаргонизмов, мата, высокого стиля и библейских вставок.

«Москва–Петушки» описывают путешествие главного героя Венички из Москвы в Петушки (аллюзия известного произведения Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»). Там его только по пятницам ждет любовница и ребенок, и обратно. По дороге Венья ведет философские беседы, пьет, демонстрируя разнообразнейший поток аллюзий, цитат и толкований.

Веничка, не смотря на, казалось бы, беспроигрышный вариант своего путешествия, каким-то непостижимым образом умудряется пропустить свою остановку, даже несмотря на то, что Петушки являются конечной станцией на пути следования электрички. На той же электричке, изредка приходя в сознание, Веничка возвращается в Москву. Принцип кольцевой композиции поэмы, (как не вспомнить один из основополагающих принципов античной философии о цикличности), трактуется автором как ироническое переосмысление мифа о прогрессе и разумности окружающей действительности, на котором базируется современная техногенная цивилизация.

Книга воспринимается читателями совершенно по-разному. Одни видят в ней своеобразную пропаганду, цель которой – показать вред алкоголя. Иные воспринимают «Москва – Петушки» как бред шизофреника. Третьи считают, что «Москва – Петушки» – это слепок «героя нашего времени», своеобразная попытка исследовать «загадочную» русскую душу, которая в пьянстве видит способ ухода от реальности. Разноуровневые трактовки понимания поэмы «Москва–Петушки» можно интерпретировать как лакмусовую бумажку своей интеллектуальности и эрудиции. Таким образом, в поэме каждый видит то, что хочет видеть, но истину в ней не найдет никто, поскольку истина это дело личное, интимное, и она в данном случае не транслируется через кого-то.

Герой Ерофеева, Веничка – это не обыкновенный забуддыга. Он – интеллектуал. Веничка демонстрирует свою удивительную образованность, не свойственную среднестатистическому советскому (да и нынешнему тоже) интеллигенту [1, с. 51]. Венья погибает в алкогольной бездне, он не может не пить, ему не хватает воздуха в советской реальности, которая окружает его со всех сторон, а жить в ней он просто не может. Тем

самым рушится мифологема о советской действительности, в которой «так вольно дышит человек». «Наше завтра светлее, чем наше вчера и наше сегодня. Но кто поручится, что наше послезавтра не будет хуже нашего позавчера?» [1, с. 39].

Для автора поэмы большинство граждан страны немногим отличаются от пассажиров электрички, идущей в Петушки. Жизнь внутри поезда и жизнь в стране во многом коррелируются. «Я остаюсь внизу и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу. Да. На каждую ступеньку лестницы — по плевку. Чтобы по ней подыматься, надо быть... без страха и упрёка, надо быть..., выкованным из чистой стали с головы до пят. А я – не такой» [1, с. 36].

Все это провоцирует Веничку на бегство. Но бегство куда? Вариантов бегства немного: либо в свой внутренний мир, с вымышленными идеалами, либо мир бредовых алкогольных иллюзий.

Экзистенциальный дискурс в том значении, которое ему придал А. Камю не устраивает героя Ерофеева. «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства», — утверждает автор Мифа о Сизифе [2, с. 24]. Вена мысленно спорит с Камю: «Если уж мы прожили тридцать лет, надо попробовать прожить еще тридцать, да, да. «Человек смертен» – таково мое мнение. Но уж если мы родились – ничего не поделаешь, надо немножко пожить. «Жизнь прекрасна» — таково мое мнение» [1, с. 49]. Вместе с тем во всей поэме сквозит отчаяние, вызванное абсолютной иррациональностью и абсурдностью обывательской жизни: постоянным разотождествлением душевных и духовных устремлений героя поэмы и требований социума: «Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы прежде мне показали уголок, где не всегда есть место подвигам», – говорит герой Ерофеева.

Все эти философские бездны бытия Венечка осмысливал при помощи алкоголя и через алкоголь. Его позиция по отношению к спиртным напиткам брутальная: «Больше пейте, меньше закусывайте. Это лучшее средство от самомнения и поверхностного атеизма» [1, с. 54].

Когда автор досконально описывает «прикосновенный запас» Венички: водочные четвертинки, поллитровые бутылки вина и настойки, а также «термоядерные» коктейли, то необходимо понимать, что речь идет, не только и сколько про выпивку (хотя о ней тоже), а прежде всего, о поиске универсального рецепта от стержневого экзистенциального ужаса – страха смерти. Веничка рассуждает следующим образом: «Жизнь человеческая не есть ли минутное окосение души? И затмение души тоже. Мы все как бы пьяны, только каждый по-своему, один выпил больше, другой – меньше. И на кого как действует: один смеется в глаза этому миру, а другой плачет на груди этого мира. Одного уже вытошнило, и ему хорошо, а другого только еще начинает тошнить» [1, с. 116].

Поездку Вени из Москвы в Петушки можно истолковать как путь из ада в Эдем. Веничка место это идеализирует, правда, выглядит оно утопическим, почти нереальным. «Петушки – это место, где не умолкают птицы, ни днем, ни ночью, где ни зимой, ни летом не отцветает жасмин. Первородный грех — может, он и был — там никого не тяготит. Там даже у тех, кто не просыпает по неделям, взгляд бездонен и ясен...» [1, с. 37]

Но, несмотря на все стремление добраться до столь желанной райской остановки, от Петушков Вена только удаляется и вновь оказывается в аду – в Москве.

Смерть Венечки так же абсурдна, как и его поиск Эдема. В Москве за ним гонятся четверо неизвестных, которые догоняют и убивают его в подъезде, «пригвоздив к полу» [1, с. 122] Очевидная аллюзия на распятие Христа. Правда, вопреки ожиданиям, распятие Венички не заканчивается его воскрешением. Веничка умирает смертью человека, искавшего Бога, но не нашедшего его, разминувшегося с ним. Искал ли он Бога внутри себя или же только вокруг себя? Скорее, последнее. Это очередной вариант христианства без Христа. Путешествие из Москвы в Петушки можно интерпретировать и как эсхатологическое путешествие. Оно не имеет конца, Веничка не доезжает до намеченной цели. В Покрове (любопытно название станции) он понимает, что едет в обратную сторону. Это некая точка невозврата.

Вполне возможно, что само убийство носит виртуальный характер. Заслуживает внимания неоднократные повторения четверки противников Венички в поэме (собутельники по бригаде [1, с. 36], соседи по комнате в общежитии [1, с. 28]), что дает повод предположить, что убийцы главного героя не люди, а агрессивный советский социум, советская действительность. Такое предположение можно сделать исходя из того, что четверка убийц – это вожди народа с пустыми и выпуклыми глазами, которому все божья роса [1, с. 27] – Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, опираясь на фразу Венички что у убийц: «совсем не разбойничьи рожи, скорее даже наоборот, с налетом чего-то классического» [1, с. 118] и далее: «Где, в каких газетах я видел эти рожи?» [1, с. 119]. Важная составляющая этого предположения базируется и на том, что место убийства Венички соседствует с Кремлем.

Веничка на пороге небытия размышляет о том, что после своей смерти, «так и не приняв этого мира, постигнув его вблизи и издали, снаружи и изнутри постигнув, но не приняв...», он будет просто молчать перед лицом Его: «и эта немота знакома всем, кто знает исход многодневного и тяжелого похмелья» [1, с. 115–116].

Можно иронизировать над бессмысленной и абсурдной жизнью и такой же смертью героя Ерофеева. Одна крайность порождает другую. Все же необходимо понять и то, что смерть каждого из нас будет так же бессмысленна – если стоять на позиции Венички. В силу того, что смерть не может быть осмысленной с точки зрения атеистического экзистенциализма.

Петушки, Париж или любой другой населенный пункт – неважно. Все дело в том, что от себя никуда не убежишь. замкнутый круг, в котором вращается самый обычный человек и его рутинная жизнь показаны автором через Курский вокзал, который магнитом тянет к себе Веню, олицетворяя собой круг вечного возвращения, являясь начальным и конечным пунктом путешествий героя. [1, с. 17]. Поэтому приходит понимание того, что куда бы ты ни ехал, они всегда и везде будут с тобою: твои мысли, твои проблемы, идеалы. Это и есть путешествие из пункта А в пункт Б именуемое «жизнь», которое начинается и заканчивается у всех одинаково. Чем дольше размышляешь над тем, зачем живешь в этом мире, тем сложнее бывает определить со своим вектором движения, понять, что ты ищешь.

Когда поэма «Москва–Петушки» была издана отдельной книгой в СССР, Ерофеев попросил установить для нее цену в 3 рубля 62 копейки. Такая цена печаталась на обложке издания. Именно столько во времена написания книги стоила самая дешевая бутылка водки.

1. Венедикт Ерофеев. Москва Петушки / Ерофеев Венедикт – М.: Прометей, 1989. – 127 с.
2. А. Камю. Миф о Сизифе / Камю А. – М.: Искусство. – Политиздат, 1990. – 415 с.